

М.Г. Дещенко, пошукач

Кримська філія Російської академії правосуддя, Сімферополь

**ЗАГОЛОВНІ ОБРАЗИ ЯК ЖАНРОСТВОРЮЮЧИЙ ФАКТОР
ЛІТЕРАТУРНОЇ КАЗКИ ЮРІЯ МАМЛЄЄВА
«ЄРЕМА-ДУРЕНЬ І СМЕРТЬ»**

У статті представлено погляд на заголовні образи героїв літературної казки Юрія Мамлеєва «Єрема-дурень і Смерть». Вони виступають як жанроутворюючий фактор, що сприяє вираженню авторської позиції. Автор розглядає даний твір з точки зору співвідношення традиційності і новаторства у творчості письменника-постмодерніста.

Ключові слова: літературна казка, жанр, літературний образ, протагоніст, антагоніст, авторська позиція, Юрій Мамлеєв

Deschenko M., applicant

Simferopol branch of Russian academy of Justice, Simferopol

**TITLE CHARACTERS AS A GENRE-CREATING FACTOR OF
A FAIRY TALE BY YURI MAMLEYEV “YEREMA THE FOOL AND
THE DEATH”**

The article looks at the title characters of the literary fairy tale by Yuri Mamleyev “Yerema the Fool and the Death”. They act as a genre-creating factor contributing to the expression of the author’s position. The author examines this work in terms of correlation between tradition and innovation in the work of the post-modern writer.

Keywords: literary fairy tale, genre, literary character, protagonist, antagonist, author’s position, Yuri Mamleyev

УДК 82.09

Н. А. Дмитриева, аспирант

ДНУ, Донецк

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЭТОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
АРХЕТИПА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. СЫЧА «UROBOROS»)**

Статья посвящена проблеме реализации поэтологического потенциала архетипа в художественном произведении. В качестве категории, связывающей архетип (как изначальную модель мировосприятия) и художественный мир произведения, рассматривается символ. Предлагается символично-архетипическая интерпретация романа О. Сыча «Uroboros».

Ключевые слова: архетип, символ, поэтика, художественный мир.

© Н. А. Дмитриева, 2014

Одним из приоритетных векторов развития современной науки о литературе является изучение глубинных семантических пластов художественного произведения. Обратно-символическая природа художественного текста порождает необходимость исследования тех его составляющих, которые актуализируют культурную и историческую многомерность. Подобной основой, интегрирующей литературное произведение в ткань национально-истории, культуры и духовной жизни народа является архетип.

Понятие «архетип» в его современном значении ввел в широкий научный дискурс психоаналитик и исследователь мифов К.Г. Юнг. На сегодняшний день сформирована богатая традиция исследования архетипа в психологии, философии, культурологии. Особое внимание обращает на себя актуализация архетипа в теоретико-литературных работах, что свидетельствует о значительном поэтологическом потенциале данного феномена и перспективности подобных изысканий. Архетип не является традиционной категорией поэтики; именно психоаналитическое его «происхождение» вызывает путаницу и широчайшую картину разнотечений термина.

Зачастую в литературоведческих работах термин «архетип» используется без какой-либо расшивки, или же без учета специфики данного феномена при функционировании в художественном произведении. Исследователи, которые все же предпринимают попытки определения термина (А.Х. Гольденберг, Т.П. Шестопалова, О.В. Дуброва), подчеркивают его семантическую насыщенность и стремление к вариативности проявлений [1; 2; 3]. В подобных работах понятие «архетип» обретает следующие терминологические модификации: архетипический сюжет, образ, мотив, значение, символ. Зачастую характер координации понятий не проясняется.

Таким образом, несмотря на сформировавшуюся в литературоведении традицию осмысления архетипа, содержание его не получило достаточно четкой теоретико-литературной конкретизации, а сам феномен остается предметом активного обсуждения в литературоведении. Главная сложность введения архетипа в категориальный аппарат науки о литературе заключается в невербальной природе феномена. Архетип – это первообраз, «исходный базовый образец для дальнейших вариативных построений на его основе», который актуализируется и воплощается в творческой деятельности [4: 8]. Наблюдение и анализ архетипа становятся возможными только после его реализации в произведении. Поэтому сопряжение архетипа с другими категориями поэтики представляется не только продуктивным, но и необходимым для осуществления литературоведческого анализа и интерпретации.

Как отмечает А.Ю. Большакова, для литературоведения актуальна реконструкция архетипа по оставленному им следу, оттиску, отпечатку [4: 8]. На наш взгляд, связующим звеном между архетипом как изначальной моделью мировосприятия и художественным миром произведения может выступать символ.

Символ позволяет постичь закономерности того языка, на котором «говорит» архетип; является той категорией, которая органично вводит архетип в художественный мир, адаптирует его к реалиям образной системы произведения.

Классические произведения литературы довольно часто становятся объектом исследования в свете архетипической теории. Мы же рассмотрим механизм реализации поэтологического потенциала архетипа в постмодернистском романе О. Сыча «Uroboros».

Код к символично-архетипическому прочтению романа дает читателю сам автор. Так структурное построение произведения основывается на парадигме тибетской «Книги мертвых», описывающей смерть и промежуточное состояние, в котором находится умиравший до нового рождения. Первая часть труда («ЧигаЙ Бардо») описывает состояние умирающего. Вторая – «Ченид Бардо» – «кармические иллюзии», в которые оказывается погружено человек после смерти. Заключительная часть – «Сидпа Бардо» посвящена возникновению инстинкта нового рождения.

О. Сыч переосмысляет расположение разделов «Книги мертвых» в своем романе. Первая часть «Urobogosa» соотносится с заключительной частью «Книги»; центральные разделы повествований совпадают; заключительная часть произведения отсылает ко вступлению тибетского труда. Очевидно, что подобное преломление композиционного пласта романа неслучайно. Герой «Urobogosa» Орест является читателю во время своего символического рождения, за которым, следуя логике тибетского текста, его ожидает путь преобразования и смерть. Символическая смерть в контексте романа оказывается обретением героем самости, истины и свободы.

Согласно тибетским наставлениям, подлинной свободы человек может достигнуть во время смерти. Путь же главного героя «Urobogosa» начинается с высшей степени несвободы – нового рождения, которого герой будь его воля, хотел бы избежать: «-Боже, дайте мені спокій. Три-і-шечки спокою. Хоч би з дулю!»[5: 6]. За рождением следует цепь преобразований, движение в море иллюзий, блуждания героя во тьме хаоса и неопределенности. Воплощением хаоса, изначальной целостности, из которой как из материнского лона появляется герой, выступает центральный символ романа – Уроборос.

Уроборос традиционно представляется в виде змеи, кусающей собственный хвост, т.е. бесконечной. Среди множества толкований этого символа роман О. Сыча актуализирует понимание Уробороса как материнского лона, Великой Матери и упрощенного изображения лабиринта (см.: «... пройдемо лабіринтом бід до свого речення» в эпиграфе к произведению). Орест блуждает невидимым лабиринтом в поисках смысла и выхода. В начале этого пути герой не осознает себя, чувствует себя пленником: «-Вибачте, будь ласка. Це не я, – промовив Орест, підводячись. Став серед кімнати і, по черзі звертаючись до чотирьох кутків, приказував: – Вибачте, будь ласка. Це не я. І це не я. І це не я. І це не я. . . Викручував собі руки, аби здерти кайдани, що вросли в тіло. Та марно. Тоді, брязкаючи ними, поліз під ковдру і вкрився з головою. З-під ковдри стирчало ярмо»[5: 6]. Какотмечає Н. Зборовская в послесловии к роману, лабиринт обозначает мир матриархального сознания, лишённого ориентиров, блуждая которым герой должен осознать собственную мужественность и только посредством этого осознания вырваться из Уробороса[6: 162]. Освобождение от поглощения материнским началом и будет спасением для героя.

Великая Мать в архетипическом плане является началом амбивалентным. О. Сыч в примечаниях к произведению отмечает положительный полюс оппозиции: «Образ Великої і Доброї Матері був у всі часи для людства, що безмежно страждає, надійним притулком і спасінням»[5: 171].

На наш взгляд для интерпретации романа «Urobogosa» важно привлечь символ Великой Матери во всей полноте его значений. Как выражение первоначальной целостности Великая Мать не отделяет добро и зло; выделившись из хаоса, она в значительной степени остается его проявлением. Герой романа заточен в многомерный лабиринт уробонического материнского божества.

После символического принудительного появления на свет Орест оказывается вовлеченным в постоянную войну (сначала реальную – в прошлом героя, затем мнимую – в постапокалиптическом будущем Украины). Именно в такой обстановке хаоса герою предстоит осознать себя: «А тут хочеш щось зрозуміти й нічого не виходить. Не знаєш навіть, нащо воно тобі, оте розуміння. Ти є функція. Ніхто мене не питає, чи хочу я у цей світ, чи ні. Так уже сталося» [5: 36]. Герой пытается вырваться из замкнутого круга войны (в архетипическом плане – хаоса, лабиринта). В первой части романа таким путем выхода из хаотического тупика, бегства от реальности выступают постоянные пьяные пирушки и следующие за ними беспричинные драки. Во второй части произведения герой предпринимает попытку бегства за океан. Однако перемещения в пространстве также не приносят облегчения; хаос вездесущ, он в душе героя, который не может найти себя в послевоенной реальности, для которого война не закончилась.

Еще один путь выхода из лабиринта – это любовь. Однако Орест не может реализовать и эту возможность: «Якось після чергової безглуздої сварки вирішив поставити крапку й заходився розкладати на лібіді о мортідо, аби не вмерти без неї. Зробив усе ретельно. Як першокласник задачу. Не помогло» [5: 17]. Улетая в Америку, герой убегает и от Марии, которая может жить только на Украине. Вскоре Орест теряет все наметившиеся ориентиры в этом мире – герой узнает о смерти любимой: «Вона лежала в домовині. Обое – мертві. Обое – жінки. Жінка. І дитина. Дівчинка. В животі мертвої жінки...» [5: 105].

Когда герой упускает возможность вырваться из уробонического лабиринта в любовь, он теряет веру, что из хаоса можно покинуть каким-то другим способом кроме смерти. Орест совершает попытку самоубийства и оказывается в психбольнице. На очередном витке блужданий герой попадает в обстановку максимальной несвободы – в замкнутое пространство, существование в котором строго регламентировано чужой волей.

Однако именно отсюда герой вырывается в мир, пусть и охваченный войной. В третьей части романа Орест переживает символическую смерть. Психбольница охвачена огнем (в архетипическом плане эта картина соотносится со смертью героя). Спасаясь от этого огня, размыкая границы своего заточения, Орест находит и путь выхода из лабиринта. Этот путь указывает ему Марк Сопилка – колдун, реализующий в романе О. Сыча архетипическую фигуру Мудрого Старца. Сопилка напоминает Оресту, о том, что у него есть Книга Истина, сокрытая в ней поможет герою покинуть лабиринт и обрести свободу. Примечательно, что Орест должен вернуться в полыхающее здание, чтобы забрать Книгу. Сакральный труд он находит в руках у знакомой девушки, которую спасает из огня. В последнем видении героя змея сбрасывает старую кожу: «Задзвеніла трава росою. Змія лишала стару шкіру непризволяще. Роздираючи мотуззя павутини, ступив у тисячолітній час» [5: 159]. И хотя не закончена война в Украине, слышны автоматные очереди и все еще полыхает пламя, герой получает надежду на освобождение и перерождение.

Закрывается круг разговором Ореста с Богданом, с которого начинался роман. Богдан собирается в космическое путешествие; в начале романа космический корабль назывался «Земля», а конечной целью был Уроборос, чистая девственная планета. В финале произведения «Уроборосом» называется космический корабль, который доставит героя на Землю.

Как видим, символично-архетипическое прочтение оказывается адекватным постмодернистскому роману. Архетип органично вплетается в авторскую игру, позволяя подключить

к ней глубинные смысловые и культурные пласты. А реализация в романе архетипического символа Великой Матери (Уробороса) обуславливает творческий толчок к возникновению всего художественного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя / А. Х. Гольденберг. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007. – 261 с.
2. Шестопалова Т. П. Кореляція понять «архетипний образ – символ – міф» (на прикладі поезії П. Тичини) / Т. П. Шестопалова // Наукові записки НаУКМА : [наук.зб. / ред. В. П. Моренець та ін.]. – К. :Stylos, 1999. – Т. 17 – С. 37–41. (Серія «Філологія»).
3. Дуброва О. В. Архетипна пам'ять та її семіотичні відповідники у творах Волта Вітмена та Богдана-Ігоря Антонича: автореф. дис. ... канд. філол. наук / О. В. Дуброва. – Дніпропетровськ, 2010. – 18 с.
4. Большакова А. Ю. Архетип, миф и память литературы / А. Ю. Большакова // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя: материалы Международной заочной научной конференции / под ред. Г. Г. Исаева. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010. – 289 с.
5. Сич О. Uroboros / О. Сич. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2007. – 176 с.
6. Зборовська Н. Код до прочитання «Уробороса» Олега Сича / Н. Зборовська//Сич О. Uroboros / О. Сич. – Львів: Літературна агенція «Піраміда», 2007. – С. 162-169.

Стаття надійшла до редакції 18.08.14

Н.О. Дмитрієва, аспірант
ДНУ, Донецьк

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЕТОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛУ АРХЕТИПА У ХУДОЖЬОМУ ТВОРИ (НА МАТЕРІАЛІ РОМАНУ О.СИЧА «UROBOROS»)

Стаття присвячена проблемі реалізації поетологічного потенціалу архетипу в художньому творі. В якості категорії, що пов'язує архетип (як споконвічну модель світосприйняття) і художній світ твору, розглядається символ. Пропонується символіко-архетипна інтерпретація роману О. Сича «Uroboros».

Ключові слова: архетип, символ, поетика, художній світ.

N.O. Dmitrieva, aspirant
DNU, Donetsk

REALISATION OF POETOLOGICAL POTENTIAL OF ARCHETYPE (BASED ON THE NOVEL «UROBOROS» BY O. SYCH)

The article is devoted to the implementation of the poetological potential of archetype in the work of art. A symbol, that links an archetype as an original model of worldview and art world of the novel, considered as a category.

Key words: archetype, symbol, poetics